

Анна Александрова

A
AB
ABR
ABRA
ABRAC
ABRACA
ABRACAD
ABRACADA
ABRACADAB
ABRACADABR
ABRACADABRA

АБРАКАДАБРА

Или основано на реальных событиях

будет так, как
сказано

Анна Александрова

**ABRACADABRA. Или основано
на реальных событиях**

«Автор»

2026

Александрова А.

ABRACADABRA. Или основано на реальных событиях /
А. Александрова — «Автор», 2026

А что, если древние легенды не лгут, а история просто сохранила не все подробности? Египетская Книга мёртвых, Атлантида, манускрипт Войнич, эффект Манделы и другие загадки прошлого становятся основой двадцати мистических новелл. Анна Александрова берёт реальные исторические факты и предлагает неожиданные художественные версии событий. Здесь древние тайны обретают новых героев, а привычная реальность оказывается гораздо менее понятной, чем кажется. Двадцать историй на границе факта и вымысла. Двадцать поводов усомниться в том, что мы знаем о мире.

© Александрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
История 1. Египетская книга мертвых	6
Заклинание для выхода в свет	8
История 2. Пляска святого Витта	13
Халдей	15
История 3. Изумрудная скрижаль Трисмегиста	19
Великое делание	23
История 4. Атлантида	29
Атлантида	31
История 5. Эффект Манделы	36
Забытый коктейль	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Александрова

ABRACADABRA. Или основано на реальных событиях

Предисловие

Даже в наше время торжества науки, когда все изучено-исследовано, мир нет-нет да подкинет очередную историческую или природную загадку. А для писателя в жанре мистика такие загадки, что подарок с небес — поле чудес для необузданной фантазии магического мышления.

С трепетом и скрупулезностью доктора Франкенштейна я собирала, изучала, отделяла от плевел зерна этих реальных историй, чтобы потом перемолоть в муку и испечь для вас истории мистические.

Пляски Святого Витта, Манускрипт Войнича, Книга Смерти египетских Фараонов — все это неподдельные артефакты, в то время как мои рассказы — выдумка, основанная на обрывках реальности.

Чтобы вы понимали, где правда, а где фантазия, я испекла вам двухслойные повести: основа — задокументированные факты с комментариями исследователей, начинка — выдуманная писательская версия, «зарисовки» по теме.

Готовы окунуться в мир непознанного?

История 1. Египетская книга мертвых

В 1888 году британский охотник за сокровищами, ученый-ориенталист и коллекционер сэр Эрнест Альфред Уоллис Бадж выкупил у нелегальных торговцев древностями запечатанный папирусный свиток, найденный в Луксоре (Египет). Вскрыв печать, Бадж обнаружил прекрасно выполненную и идеально сохранившуюся «Книгу мертвых». Он тайно вывез свиток в Британию, где тот находится до сих пор и считается собственностью королевства.

«Книга Мертвых» — это самые известные письменные свидетельства древнеегипетской заупокойной литературы. Свитки с этим текстом находили в гробницах египетской знати и жрецов, датируются они примерно с 1550-х гг. до н.э. по 50 гг. до н.э.

Общее количество «глав» текста, известных по разным свиткам, — 193, однако исполнение, длина каждой «Книги Мертвых», число содержащихся в ней заклинаний и молитв варьируются. Составители «книги» сами решали, что включать, а что нет. Вероятно, значение имели и социальное положение, и уровень богатства усопшего. Некоторые свитки созданы изначально для определенного человека, его имя органично вписано в текст, поля украшены виньетками, есть иллюстрации. А некоторые — что-то вроде универсальных заготовок, куда имя вписывали позже в оставленные для этого пробелы.

Самый длинный найденный свиток «Книги Мертвых» (37 метров) посвящен жрецу Пинеджему второму, самый древний обнаружен в саркофаге царицы Ментуохотеп, а самый хорошо сохранившийся посвящен царскому писцу Ани (примерно 1250 г. до н.э.), именно его вывез в Европу сэр Бадж.

Книга Мертвых. Фрагменты папируса Ани. 1250 г. до н.э.

Условное название «Книга мертвых» дано европейскими исследователями. Но оригинальный древнеегипетский текст переводится все же, как «Заклинание для выхода на свет». Это своего рода инструкция покойнику для восхождения в мир богов, становления богом.

Среди молитв на пути к создателю, в «книге» есть и молитва отрицания, ее текст показывает, что этические нормы древних египтян вполне соответствовали христианским заветам. Вот небольшой фрагмент в переводе:

1. Я не совершал греха.
 2. Я не занимался вооружённым разбоем.
 3. Я не воровал.
 4. Я не убивал мужчин и женщин.
 5. Я не крал зерно.
 6. Я не похищал приношения.
 7. Я не покушался на предметы богов.
 8. Я не лгал.
 9. Я не чревоугодничал.
 10. Я не произносил проклятия.
 11. Я не прелюбодействовал.
 12. Я не заставлял других плакать.
 13. Я не ел сердца [то есть, я не огорчился понапрасну или не чувствовал угрызений совести].
 14. Я не бросался в драку.
 15. Я не прибегал к хитрости и уловкам.
 - ...
 20. Я не покушался на чужую жену.
- И так далее до 42 не, обращенных к 42 богам.

Заклинание для выхода в свет

«Меня звали Тутмос. Я был верховным жрецом в храме мудрого Тота¹ в Фивах. Я умер.

Жизнь покинула меня на тридцать седьмой весне. Не так уж и мало, но значительно меньше, чем я рассчитывал. Была ли моя смерть несчастной случайностью, или кони понесли колесницу по чьей-то злой воле, того я не знаю. И не узнаю уже никогда. Все свидетели тех событий сами давно мертвы. Ведь я умер много дней назад. Много лет назад. Много веков назад. Три тысячелетия назад.

Гибель моя была внезапной, но к переходу все было готово. Все великие мира египетского готовятся заранее, чтобы, когда наступит час, вознестись без препятствий и промедлений к свету Ра², слиться с ним в одно целое. Просторная моя гробница была закончена еще в предыдущее половодье, стены ее были расписаны священными текстами, канопы, сосуды для органов, выкованы из серебра, ушебти³ расставлены в нишах, свиток заклинаний для выхода в свет составлен под чутким моим руководством. Я сам отбирал молитвы... Так что же пошло не так? Почему после смерти я проснулся лишь тенью?

Душа человека состоит из нескольких частей, то всем известно: Ка — жизненная сила, Ба — чувства и эмоции, Ах — слияние Ка и Ба, чистый дух, Хат — физическая оболочка, Иб — сердце, Сах — «священные останки», мумифицированное тело, Сехем — магические способности, Рен — имя, Шуит — тень⁴.

Если книга заклинаний собрана верно, все обряды соблюдены, и останки не осквернены, то части души воссоединяются после смерти вновь в новом качестве. Я должен был вернуться в тело, спуститься под землю на суд Осириса, и после... после подняться в небо и раствориться в свете Ра. Но все, что от меня осталось — лишь Шуит, тень.

Тень без света — просто мгла, в ней нет очертаний, в ней размазано сознание. Так и я был размазан по стенам гробницы, по собственному телу, по сосудам и оставленным для богов подношениям. Много лет я собирался в одну точку, много сотен лет. Мне помогали знания. Я все-таки верховный жрец Тота, и мой Сехем был силен когда-то.

Я заполз в собственное тело, и снова мне понадобилась вечность, чтобы оживить его. Запелененное в промасленные ткани, усохшее до костей, лишенное глаз и сердца, оно было пустым. И все же я поднял его. Скинул крышку гроба и сел. Шуит и Хат, тень и телесная оболочка. Живой мертвец. Слишком мало для воскрешения. Но я ждал, ждал, что придут за мной слуги Осириса. Они не шли.

Тогда я решил развернуть свиток, поискать там причину промедления. Что-то подсказывало мне, что дело в нем. Но вот беда — тело мое было лишено зрения, а тень рук. Мне нужен был свет. Хоть какой-то его источник, чтобы собрать остатки тени со стен, чтобы усилить Шуит, чтобы усилить и Хат.

Следующую сотню лет я двигал тело к лампе, что стояла на жертвенном столе. В ней еще оставалось масло. Моя тень хоть и не видела предметы, но осязала их каким-то незнакомым мне при жизни чувством. Будто каждая вещь вибрировала на своей частоте, а я ощущал их, как кошка ощущает дрожание мышцы в темноте кончиками усов.

¹ Тот — египетский бог мудрости и знаний. Покровитель ученых, магов, библиотек.

² Ра — божество солнца, один из главных богов в древнеегипетской религии и мифологии. Его имя переводится как «солнце».

³ Ушебти — статуэтки, фигурки людей в древнеегипетских гробницах. Предполагается, что они символизировали слуг для помощи умершему в загробной жизни.

⁴ Приведена упрощенная концепция души в древнем Египте.

Еще сотню лет спустя я сумел зажечь лампу. Это стоило моему телу правой руки. Промасленная ткань загорелась от фитилька, полыхнуло ярким светом, озарив гробницу и священные тексты на стенах. А я стоял и впитывал тепло и мощь огня. Тень моя обрела очертания, а вместе с ними вернулась и Сехем — магическая сила.

Впервые за тысячу лет, проведенных в склепе, мне поддались ощущения, я наслаждался самоосознанием, чувствовал себя почти живым. Но действовать надо было быстро. Я оторвал горевшую руку и бросил ее в гроб. С трудом развернул свиток Заклинаний для выхода в свет. Читал не глазами, их не было. Читал чистым сознанием, объединенной силой Шуит, Сехем и Хат. Читал все сразу от первой до последней строки единовременно. И... увидел. О боги! Кто?! Кто это сделал?!

В молитве отрицания, в строке, обращенной к богу Дуду, должной звучать как *Я не покушался на чужую жену* был вымаран иероглиф *не*. Теперь свиток гласил, что я совершил преступление — *я покуšлся на чужую жену*. Вот почему Осирис не пришел за мной. Бог Дуду сообщил ему, что я грешен и не достоин света. О, великий Ра, горе мне! Все это время я надеялся, что дело поправимо. Но теперь...

Тело мое рухнуло на земляной пол, тень едва не вылетела из него, зацепившись за краешек иссохших губ.

Прошло не менее пяти веков прежде, чем я сумел вновь собраться с силами. Все это время я думал, я вспоминал...

Свиток Заклинаний испортил Ахмос, в том не было сомнений. Ахмос мне брат по матери. Был когда-то. Они была его женой. Они означает «желанная девушка». О да... Они была желанна многими. То, что Ахмос первым взял ее в жены, еще не значило ничего. Он привез ее из дальних земель, выкрал из храма Исиды. Похитил жрицу! Нечестивец... Я же освободил ее. Ведь я верховный жрец мудрого Тота в Фивах. Но я не забирал ее силой, вовсе нет. Они хотела идти со мной. Они меня полюбила. Нежный цветок, повадки кошки... воплощение Исиды на земле. Обладать такою мог только верховный жрец или фараон. Но даже он уступил это право мне. А Ахмос взбунтовался.

По просьбе матери я не казнил его за дерзость и неповиновение. Я внял ее мольбам, оставил Ахмоса в живых, лишь сослал на покаяние в восточные земли. Годы спустя он вернулся. И я дал ему место при храме. Сделал его правой своей рукой. Той, что загорелась...

Кроток и покорен он был, застил мне глаза лестью и словами о братской любви, предлагал новую свою жену мне в услужение. Сам. Но кроме Они мне не нужны были иные женщины. Они — мой свет. И то было взаимно.

О, Они, ты любовь всей жизни, из-за тебя я пошел на грех. Но верил я, что великий Ра благословит наш союз, верил — мы войдем в его царство рука об руку. Ты должна была сойти в могилу со мной. Но нет тебя здесь. Ни тебя, ни тела твоего. Я же заперт в собственной гробнице на вечность. Что случилось с тобой? Отказалась ли ты сама от меня, или Ахмос забрал тебя после смерти моей на правах брата?

Пять веков я вспоминал по секундам все встречи, все взгляды, все брошенные невзначай слова. Тень моя скользила по сценам прошлого, подсматривала, подсушивала, оценивала.

Я вспомнил, как отвернулся от Ахмоса, а он шепнул мне вослед «ненавижу». Тогда я не слышал, но сейчас вспомнил... тень видела это. Тень видела, как смотрел он на меня и на нее, тень наблюдала, как сжимались его кулаки, скрипели от злобы зубы. А что же Они?

И вновь потекла тень по воспоминаниям, наблюдая за светлым ее ликом: нежность, любовь, гордость, обожание во взгляде, направленном на меня... тянется ко мне, сторонится Ахмоса. Вздрагивает при его появлении. Нет, она невиновна. Но что же с тобою случилось? Где ты, Они? Где ты, любовь моя? Что сотворил он с тобой?! Томишься ли ты также в гробнице? Взошла ли ты по лестнице солнца? Или, может, прах твой развеян над пустыней, и ты канула в вечность, растворилась в небытие?

Боль ослабляет, боль убивает, капает в сосуд души, топит ее в бездне. Но если ты уже мертв, и впереди тысячи лет одиночества, то медленно-медленно боль цементируется, становится тем самым дном, от которого можно оттолкнуться. И подняться. Вновь.

Спасительная мысль была проста. Настолько проста, что я не видел ее за сложными схемами и заклинаниями противодействия проклятию — надо прописать *НЕ* в книге, в той строке, которую испортил Ахмос. Исправить намеренно созданную ошибку. И, может, тогда боги изменят решение?

Лампа давно догорела, но тень, Шуит, уже была собрана со стен и пола, была прикреплена к телу. Если сконцентрировать силы, то я смог бы, наверное, встать — подумал я.

Проговаривая мысленно заклинания, я поднял тело, на это ушли десятилетия. Папирус лежал развернутым на жертвенном столе, фатальная ошибка в тексте кричала из темноты обвинением. Надо просто ее исправить... но как? В склепе не было ни пера, ни чернил.

Тень моя прощупала каждый закуток в поисках подходящей замены, но тот, кто обустроивал гробницу, исключил из нее любую надежду на шанс. О, Ахмос, ты знал... ты знал, что мне достанет сил проснуться.

Мысли мои текли медленно, как смола, затвердевшая в капле янтаря. Но все же они текли, искали решение. Обшарив тенью весь склеп, я не заглянул лишь в одно место — в гроб, где покоились останки обугленной правой руки. Когда же спустя еще десятилетие я проник и туда, то обнаружил, что смесь масел и копоты сотворили вязкую черную субстанцию. Так вот она! Замена чернилам. Осталось найти палочку для письма, любой тонкий предмет.

Снова и снова моя тень ощупывала статуэтки и амулеты, расставленные в нишах. Но не подходил ни один. Все они имели округлые формы и тупые окончания. Тень моя задержалась на тете⁵ из красного сердолика. Его называют еще узлом Исида. Камень олицетворяет жизнь и божественную любовь. Я снова вспомнил Они. Когда-то она служила великой богине. Это ее подношение, иначе что бы делать тету в гробнице жреца Тота?

Я направил силы в тело и поднял амулет, он аккуратно лег в иссохшую ладошку. Я почувствовал, как верхняя петля едва заметно провернулась. Неуловимое движение, но все же движение. Фигура не была цельной. Скрипя окостеневшими пальцами, я надавил на верхушку тета, кольцо сдвинулось еще немного. Минута за минутой, день за днем, я раскручивал послание от Они. Когда камень разомкнулся, я нашел в нем спрятанный кинжал. Короткий, тонкий и острый, как коготь орла. Благодарю тебя, Они!

Я знал, что для начертания простого знака «не» уйдут еще сотни земных лет. Но все время мира было в моем распоряжении. Я принялся за работу — вырисовывал недостающий иероглиф. Тело слабело и сыпалось, но дух креп. Его питала надежда.

Когда я оторвал кинжал от папируса в последний раз, гробница затряслась. Свершилось! Я услышал голоса надо мной, с потолка посыпались пыль и песок. Тело упало, его придавило обрушившейся плитой. Тень же успела выскочить... на свет.

Да, сверху на меня полились лучи солнца, благословение бога Ра! Но... но это было неправильно. Мне надлежало прийти сначала к Осирису, в его царство смерти. Что же опять пошло не так?

Действия разворачивались так стремительно, что заржавевшее во времени сознание мое не поспевало за ними. Я наблюдал, как трое спустились в могилу, они принесли с собой факелы, нет — они не были посланниками богов. Люди. Просто люди в грязных халатах, с закрытыми тканью лицами. Они переговаривались на неизвестном языке. Они пришли грабить меня.

⁵ Тет (Тьет) – древнеегипетский символ богини Исида; его точное происхождение неизвестно. Олицетворяет жизнь и имеет три петли. Его называют еще «узел Исида», потому что похож на узел, используемый на одежде, которую носили египетские боги.

Прах мой... Да, теперь уже прах, рассыпался по земле. Они топтали его. Сгребли серебряные сосуды и статуэтки ушэби, забрали мою книгу заклинаний. Я замер в ужасе. Но воля бессмертного духа, поддерживающая меня все эти лета, подтолкнула меня к действию и сейчас.

Мертвой хваткой вцепился я в тень пришельца, собрав воедино всю глубину Шуит и магию Сехем. Тень его сопротивлялась, но то была слабая тень обычного человека. Я выполз вслед за ней на поверхность земли, я прополз вместе с нею в его дом, я набирался сил и новых знаний о мире, постаревшем на три тысячи лет за время моего заточения.

Я выяснил, что фараонов больше нет, храмы разрушены, а земли проданы заморским торговцам. Я с удивлением обнаружил, что в новом мире магии не существует. Ключи к ней утеряны, а память людей короткая. Они жили жизнь простых смертных и не пытались пробудить в себе Сехем. Но моя память вмещала три тысячи лет... мой Сехем был все так же силен, и я вновь искал доступ к телесной оболочке.

Шуит моя легко вытесняла тень любого смертного, я переходил от человека к человеку и вынужден был следовать за ними, но не управлять. В отличие от мертвого моего тела там в склепе, эти были заполнены жизненной силой Ка, мощнее которой нет ничего под лучами солнца. Заклинание смены души не работало, как я ни старался.

Я держался поближе к книге перехода, к своему персональному свитку. В нем я видел причину проклятия, в нем же надеялся найти и спасение.

Расхитители гробниц продали свиток человеку в черном, тот долго изучал его, проверяя имя, особенно тщательно всматривался в нацарапанный мной иероглиф. Удовлетворившись увиденным, он передал книгу англосу по имени Бендж. Я соединился с англосом, я следовал за ним по пятам, как собака, как... тень. Я и был тенью. Я, верховный жрец бога мудрости и магии, стал тенью смертного. И все же это было лучше, чем бесконечность в склепе.

Мало помалу я научился понимать его язык. Он много говорил и далеко путешествовал. А год спустя вернулся в свою страну, столь разительно отличающуюся от моей. И там к нему пришла женщина. Тонкая и хрупкая, как цветок лотоса в заводи Нила. Она спросила:

— Сэр Бендж, вы привезли то, о чем я говорила?

— Да, — ответил он, доставая свиток (мой свиток!). — Я, право, не понимаю, зачем он вам, Оливия? В музеях этого добра достаточно. Собираете личную коллекцию египетских безделушек? И почему именно этот? Откуда вы знали, что в той гробнице захоронен жрец? Тутмос, кажется. Так перевели мне имя из Книги мертвых. Вы его действительно хотите?

Он протянул ей свернутый папирус, но не отдал, поднял высоко, заставляя ее приблизиться.

С грацией кошки прильнула она к Бенджу, правая рука ее заскользила змеей вверх по его груди, левая нырнула в кошелек, привязанный к ее поясу. И вдруг она отчетливо произнесла:

— Аль шах ран по шуит те!

Это было заклинание на моем языке. Заклинание, приказывающее человеку замереть. И Бендж замер, неспособный пошевелить даже кончиком носа.

— У меня тоже кое-что есть, Бендж, — шепнула она и вытащила из кошелька амулет тет из красного сердолика, такой же точно, как в моей гробнице — узел Исиды.

Время снова замедлилось... я впитывал каждое ее движение, я начал догадываться.

Легким нажимом пальцев левой руки, она разомкнула камень и освободила спрятанный в сердолике тонкий и острый, как коготь орла, кинжал. Медленно-медленно, глядя Бенджу в глаза и проговаривая шепотом заклинание смены души, она вонзала иглу в сердце англоса. И тут же почувствовал я, как всасывает меня в тело Бенджа. Его Ка вытекала из него через рану в груди, я же занимал пустоту, оживая.

— Ну наконец-то! — произнес я вслух, обнимая свою Оли. Ибо это, несомненно, была она».

Бендж закончил рассказ, и в гостиной повисла тишина. Наконец, мистер Уинстон прокашлялся и нервно засмеявшись, произнес:

— Вам бы сказки писать, сэр Бендж. Пользовались бы большим успехом, да дорогая?

Его супруга кротко улыбнулась и заискивающе кивнула.

Чета Уинстонов, совсем молодая пара, приехала в Лондон из Нового Света по приглашению богатых дальних родственников. Уинстоны рассчитывали на финансовую помощь в их маленьком производстве консервов в Техасе. И ожидания их не обманули. Бенджи, хоть и были престарелыми чудаками, но не просто пообещали помочь деньгами, а определили их своими наследниками, так как собственных детей не имели.

И вот Уинстоны, не веря до сих пор такой удаче, заглядывали в рот старикам, боясь, как бы те не передумали.

— Да нет же, так и было! — смеялся сэр Бендж, поднимаясь с кресла и направляясь к стеллажу с книгами. — Мы с Они, вы знаете ее как Оливию, соединились потом по местным законам. Женщины в вашем мире бесправны, без мужчины ей не давали выехать в Египет. Однако... Она оказалась сильнее всех, сильнее даже великого когда-то жреца и его завистливого брата. Она смогла вернуться в телесную оболочку, вытеснив душу смертной. Даже не выезжая из страны, сумела все-таки разыскать меня. И оживить. Заклинание смены души в ее устах работает исправно.

Он надавил на стеллаж, и тот отъехал в сторону. За ним открылся вход и лестница в подвал.

— Идемте, покажу, — Бендж поманил молодую пару рукой и сам уже спускался.

Уинстоны неуверенно переглянулись, но послушно последовали за стариком. В потайной комнате, куда привели ступени, горели масляные лампы, стены были расписаны египетскими иероглифами, в нишах блестели золотые статуэтки и серебряные сосуды. В центре комнаты, отбрасывая неровные тени на все четыре стены, стоял квадратный мраморный стол. На нем развернуты были два пергаментных свитка.

— Вот они... книги смерти. Выход на свет жизни. Но, как понимаете, нужны еще и новые тела. Желательно молодые и красивые. — Ласково произнес старик и вдруг крикнул голосом сильным и страшным. — Аль шах ран по шуит те! Они, мы готовы!

В комнату вошла леди Оливия, в руке она сжимала амулет из красного сердолика.

История 2. Пляска святого Витта

14 июля 1518 года, в день чествования святого Витта в городе Страсбурге, одна из прихожанок начала танцевать прямо во время праздничной службы. Она дергалась, прыгала, билась в танцевальных конвульсиях. Думаете, ее остановили? Нет. К пляске присоединилась еще одна женщина. И еще. И еще. Вскоре морок объял всю толпу и народ плясал, как сумасшедший, — до упаду, до обмороков, до смерти.

Такие танцевальные безумства случались в народе и до и после того дня. Иногда целый город или деревня приходили в неконтролируемый экстаз, не в силах остановиться. И это не фильм ужасов, а задокументированная история.

Картины Питера Брейгеля-старшего, иллюстрирующие танцевальную чуму.

Почему? Что это было за явление? Сейчас его называют «Хорея» или «Пляска святого Витта», ранее употреблялось название «Танцевальная чума». Считается, что это неврологическое заболевание, острая ревматическая лихорадка, вызванная рядом причин.

В наше время таких массовых явлений не происходит, но встречаются единичные случаи.

Пик «плясок» выпал на XIV–XVII века и только в Центральной Европе. Историки и медики выдвигают две версии, а третья от народа.

Первая — массовый психоз на фоне острого голода и постоянного стресса, вызванного тяжелыми жизненными условиями и жесткими церковными ограничениями. Часто такое происходило в женских монастырях. У людей срывало крышу?

Вторая — отравление спорыньей (грибок в колосьях ржи) или пылью какого-то растения, которое не дожило до наших дней. Но задокументированные случаи приходятся на разное время года, поэтому трудно привязать их к цветению.

Третья версия — происки дьявола — ничего общего с наукой не имеет, но в то время была самой популярной, конечно же.

Темное средневековье, идет охота на ведьм, церковь подавляет волю человека, а тут такое безобразие — люди хохочут и танцуют свои бесовские пляски. Сжечь?

Удивительно, но нет. В большинстве случаев больных «танцевальной чумой» городские власти пытались спасти. С ними работали медики, их отводили в безопасные места (запирали в церкви). А потом, конечно же, молились во исцеление.

Так что бы это могло быть такое?

Халдей

Было ясное утро седьмого дня месяца июля 1518 года от Рождества Христова. Солнце уже выкатилось на небесный купол, и коротенькие тени не давали укрытия праздным горожанам, вышедшим с воскресной службы.

Однако уходить по домам люд не торопился, толпясь на центральной площади у разноцветной повозки. В кои-то веки в их городишко приехал настоящий халдей⁶!

Повозка была огромной и удивительной, уже одним своим видом вызывала она щеко-чущий трепет и любопытство. Покрытая сшитыми вразнобой цветными кусками, среди коих встречались и нежный шелк, и грубая рогожка, и усыпанный геральдическими лилиями батист, она притягивала к себе женщин всех возрастов и статусов, жаждущих посмотреть и пощупать диковинные ткани.

Две упитанные, холеные лошадки были выпряжены уже из повозки и стояли поодаль. Нетерпеливо перебирали они мохнатыми ногами, ожидая пока хозяйский помогайка напоит и накормит их. Здесь уже мужчины столпились, оценивая сильный круп пегой кобылки и широкую мощную грудь черной. Такие тяглые по двадцати дукатов будут... знать, хороший халдей, ведающий в своем деле.

Толпа собиралась потихонечку, перетекая из церкви к повозке, выстраиваясь в полукруг под набирающим силу июльским солнцем. Но сам хозяин странствующего цирка не торопился являться на публику, и только немой мальчишка в зеленой суконной котте⁷ суетился вокруг, то поднося испить лошадям, то подпирая колеса камнями для большей устойчивости.

Наконец, лоскутный полог дрогнул и сдвинулся в сторону, из темной щели показалось сморщенное, как прошлогоднее яблоко, лицо, обрамленное седыми патлами. Один глаз на этом высохшем лице был широко открыт и жадно осматривал толпу, второй — лениво прищурен. Старик бросил недовольный взгляд на небо и, словно обжегшись о его яркий свет, ретировался обратно, в глубь повозки.

Толпа притихла, и, может, только потому все, даже стоящие поодаль, у церкви, услышали ворчание старого халдея:

— Представление на закате, раньше не ждите.

Народ разочарованно вздохнул и, кто группками, кто поодиночке, потек от центральной площади муравьиными цепочками. Не больше дюжины (замешкавшихся случайно или специально) человек остались, когда уже из-за опущенного полога повозки прозвучало тихое:

— А кому очень надобно, по одному с оборотной стороны.

Марте Троффельберг было надобно. Очень надобно. Марта была влюблена.

Не отличающуюся особой красотой девицу, пекарскую дочку уж двадцати пяти лет от роду, угораздило влюбиться в городского кузнеца. Благо тот был вдовцом и потому свободен, но все-таки на Марту не зарился, и все ее ухищрения, ужимки и воскресные даренные ему пироги оставлял без внимания. Нет, пироги-то он брал, да с ними и шел напрямки к соседке Анне.

Извелась Марта, измучилась, иссохла по кузнецу и соперницу даже извести хотела, да Бог отвел, не хватило духу... И вот халдей... Вдруг поможет? Говорят, они ворожбу умеют и

⁶ Халдеями в средневековье называли артистов, дающих магические представления, а позже и просто артистов. Слово произошло от имени семитского народа «халдеи», проживавшего на территории современного Ирака в X–VI веках до н.э. и обладавшего обширными познаниями в астрономии, астрологии, нумерологии и других учениях, которые впоследствии сформировали основу европейских магических течений.

⁷ Котта — просторная рубаха, носившаяся поверх исподней. Обычно доходила до середины бедра и подпоясывалась ремнем.

зелья разные. Да пусть хоть судьбу расскажет — ждать ли ей... кузнеца... или на кого другого взор обернуть?

Потому крутилась Марта вблизи повозки — то за церковь зайдет, то в церковь, то выйдет на площадь, а к ведуну все никак не заглядывает. Страшно. Да и люди что подумают, коли увидят? Так и мучилась Марта нерешительностью, пока к ней мальчишка немой, халдейский помогайка, не подошел. Подошел, поманил за собой. И, равнодушно пожимая плечами, а сама втихаря ликуя, Марта последовала за ним в повозку.

С обратной стороны, скрытой от площади, полог повозки был подвязан, но треугольник входа все же завешивала невесомая мелкосетчатая ткань, охраняющая, вероятно, от мух и оводов. К зияющей темноте приставлена была лестница. А из самой повозки доносились монотонные скребущие звуки, пробирающие до костей.

Марта остановилась, сомнения объяли ее душу, она подняла голову, заозиралась. Но с этой стороны не видно было ни площади, ни церкви, и потому не с кем переглянутся, не у кого спросить. Только немой дурачок мычал невразумительно под боком и кивал головой, глупо улыбаясь. И Марта решилась, поднялась по ступенькам, сдвинула в сторону воздушную ткань и вошла в повозку. Все здесь было чудно, но вовсе не страшно.

Первое, что ощутила Марта и чему несказанно удивилась, — прохлада. В повозке было свежо, как в октябре на речке, в то время как за ее пределами полыхал зноем июль и все живые существа плавались на изнуряющем солнце. Но здесь, повторимся, было прохладно, Марта даже озябла по-первости и потому обхватила себя руками.

Сама повозка изнутри казалась больше, чем снаружи. Марта стояла в полный рост и вряд ли бы достала до полога, подними она руку. Так же и в стороны — от стенки до стенки вмещалось не меньше семи пье⁸. В таких просторах неудивительно, что не сразу заметила она халдея, притаившегося в углу.

Он сидел, сгорбившись, и строгал чурбачок. Именно эти скрежещающие звуки штихеля по дереву так напугали ее снаружи. Но здесь страх развеялся, включилось женское любопытство. Заметила она у ног старика корзину с искусно вырезанными болванками кукольных голов: носы, глаза, рты — все как настоящее. С другой стороны от кукольника лежали прямо на полу уже готовые изделия: к болванкам были приклеены волосы и тряпичные тельца, одетые в мужские и женские платья. Эти куклы казались потрепанными, а некоторые так совсем были полуманы.

— Вот, новые мастерю. Для представления, — произнес старик, проследив за ее любопытным взглядом. — Поможешь?

— Я? — удивилась было Марта, но отказать не успела — старик кинул ей в руки только что законченную болванку, и Марта инстинктивно поймала ее.

— Краски, — кивнул халдей на маленький столик с тюбиками и кисточками на нем. — Садись, рассказывай.

Марта послушно присела на низенький табурет у столика, руки непроизвольно потянулись к краскам. Интересно же... А за работой и слова сами льются, подбирать не надобно и в глаза слушателю смотреть тоже. Так за неумелой покраской рассказала она о своей любви безответной, всплакнула даже.

Кукла выходила некрасивая у нее, но халдей был доволен, забрал у нее болванку, приладил к ней заготовленное заранее тело. Под конец спросил, хитро прищурившись:

— А хочешь-то чего?

— Замуж хочу. За него, — выпалила Марта.

— Будет тебе замуж, а уж как тебе там замужем будет, то не моя вина. Только жертву надо отдать.

⁸ Пье — мера длины в средневековой Франции, равная 32,48 см.

— Кому? — испуганно вылупила глаза Марта.

— Богам-богам, духам, — усмехнулся старый лис.

— Не дьяволу?!!

— Не-е-е-ет, что ты, девка, упаси боже. — Халдей демонстративно перекрестился. — Старые духи, дохристианские, они в любви ведают. Но им дар нужен.

— Какой?

— Да вот хоть локон с твоей головы и лоскуток от платья. Ножницы. — Он повел подбородком в сторону столика.

Марта обратила взгляд в указанном направлении и только сейчас заметила удивительно красивые серебряные ножницы с украшенными ажурными узорами лезвиями и витыми рукоятками. Мгновение помешкав, она схватила их одной рукой, другой выправила из-под чепчика длинную прядь и решительно срезала ее, потом подобрала подол юбки и выкроила из нижнего платья кусок белого хлопка размером с ладонь.

— Вот и умничка. — Старик аж затрясся от радости, принимая дар. — Вот и славная девочка. Иди домой. Будет все как хочешь. Иди-иди.

Марта сама не поняла, как выскользнула из повозки, как обошла кругом площадь и церковь, и только лишь на своей улице очнувшись, пришла в себя, охнула испуганно. Оглянувшись она на дорогу — церкви-то даже не видно было, а уж повозки тем более, но уши будто слышали халдейское напутствие и отсюда: «Иди-иди».

Добрела она до родительского дома и снова ойкнула — на пороге стоял сосед-кузнец, глядел ласково. А из-за спины его довольные отец и мать делали непонятные знаки, кривили лицо ужимками. То кузнец свататься пришел. Дождалась Марта своего часа.

Всю неделю стояла повозка на главной площади, аккуратно супротив церкви. Вечерами, как только солнце склонялась к горизонту, халдей и его немой ученик начинали магические представления: летающие бумажные попугаи, молния, упрятанная в прозрачный стеклянный шар, чтение мыслей. Заканчивались они всегда одинаково — халдей объяснял, что все это не магия, а наука, наблюдательность и ловкость рук, не более. Все де одобрено церковью. Любопытный народ согласно кивал, хотя были и такие, кто, перебрав забродившего пива, выкрикивал злобное «шарлатан!».

Но были и другие. Днем они пробирались к повозке украдкой, ползли внутрь по лестнице с оборотной стороны. А после халдей вывешивал сушиться на солнце новую куклу с деревянной головой и тряпичным тельцем. Их набралось уже не меньше двух дюжин, висели рядом на ниточках с торца повозки — и в мужском платье, и в женском. Особо внимательные могли бы разглядеть на их деревянных головках среди приклеенных веревочных волос и настоящие локоны: белые, черные, рыжие.

— Это, — говорил старик, — для финального представления.

А в следующее воскресенье, в четырнадцатый день июля 1518 года от Рождества Христова, повозка исчезла. Будто и не было ее. Честной народ высыпался из церкви с воскресной службы, а халдея с его прислужником и след простыл. Обманул старик — не дал финального.

Кто-то на то облегченно рукой махнул, кто-то разочарованно вздохнул.

Марта Троффельберг была из первых. С того дня, как побывала она внутри повозки, не по себе ей было: чудилось разное, а порой и... делалось странное. Так однажды она себя посреди ночи в саду обнаружила, нагую. Как пришла туда — то не ведала. А другой раз из дома купленный на год мед пропал, весь бочонок ценою в полдуката. Отец на странствующих торговцев подумал. Уж ругался на них, уж кричал. А Марта в то утро еле руки подняла, так болели они. И платье спереди липкое, в меду испачкано... пришлось тайком застирывать.

Странно это было все и страшно. Потому избегала она и площади, и церкви, и тем более представлений халдейских. Одно радовало, что милый сердцу кузнец от слова своего не отсту-

пал, свадьбу уж назначили на осень. Вот и сейчас с ней под руку шел, назло несчастной Анне. И так радостно от того Марте было. Так радостно! Что хоть в пляс...

И вдруг Марта действительно выдала танцевальное па. Плечи ее повело из стороны в сторону, ноги сами собой подскакивали коленками вверх. И сама она, и стоящие рядом поначалу улыбались такой внезапной выходке, но... Марта не останавливалась. И глупая улыбка ее становилась все натянутее, пока не переросла в гримасу ужаса. Она поняла, что не владеет собственным телом.

Рядом ойкнула и затрясла огромной грудью еще она женщина. И вот танцующих стало двое. Потом трое. Четверо...

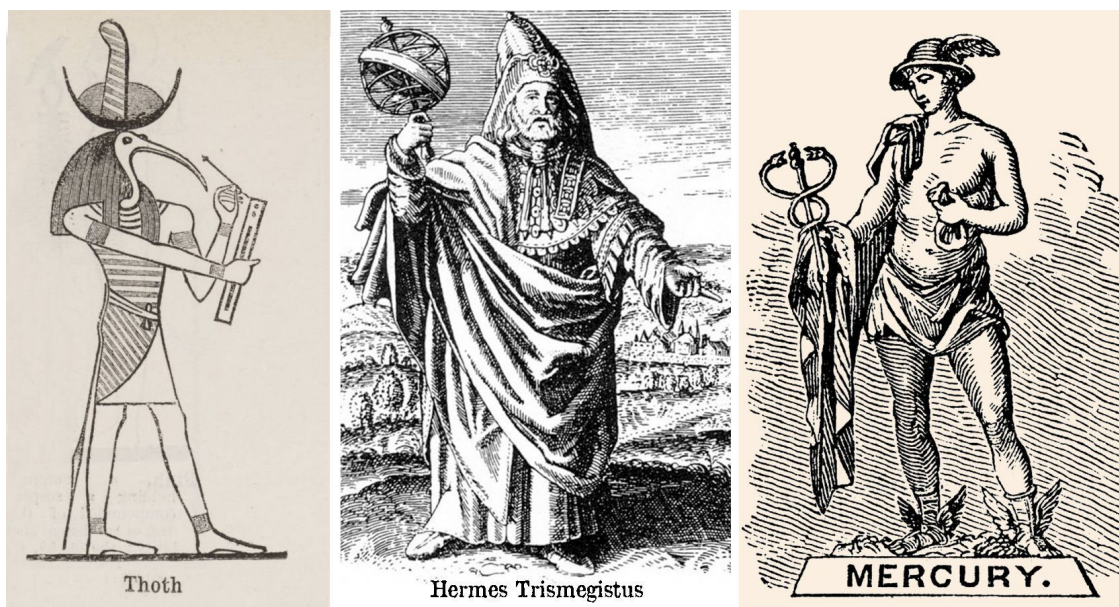
А в это время по ухабистой дороге из городишка да в соседнее селение тряслась огромная цветастая повозка. Куклы, подвешенные на торец за веревочки, подпрыгивали на кочках, взмахивали тряпичными ручонками и юбочками, словно соревнуясь в безумстве танца. Так и будут они плясать, пока не доедет повозка до места, а там... глядишь, и новые куклы появятся взамен поломанных и уже не нужных.

История 3. Изумрудная скрижаль Трисмегиста

Алхимия, философский камень, эликсир бессмертия и даже карты таро — знакомые понятия? Фильмы и художественные книги популяризировали этот тайный пласт средневековой жизни. Но известна ли вам их история? Кто был основоположником? Откуда взялась сама идея философского камня?

Существует легенда о Гермесе Трисмегисте. Предполагается, что он жил примерно в XV веке до н.э. Трисмегист упоминается в различных философских трактатах и является основателем герметического учения.

Он был то ли смертным сыном египетских богов Осириса и Исиды, то ли земным воплощением древнеегипетского бога мудрости Тота, то ли просто великим магом, которому открыты были тайны мироздания. Есть даже версия, что он выживший атлант, представитель цивилизации, предшествующей людям.

Изображения бога Тота (древнеегипетский папирус) и Гермеса Трисмегиста (средневековая гравюра)

Согласно легенде, Гермес Трисмегист сотворил философский камень, который был способен менять материю, то есть из любого вещества мог создать иное вещество. Например, золото из обычного песка, а из воды — эликсир вечной жизни.

Так вот, он не только воспроизвел сей артефакт, но и записал способ его творения на изумрудных скрижалях (пластинах). Скрижали нашел Александр Македонский во время походов в Египет (это уже 332-331 гг. до н.э.). Списки с этих пластин дошли и до наших дней. Сами же скрижали утрачены.

Однако в средневековье в разных культурах и на разных языках распространены были копии посланий Трисмегиста.

Титульный лист латинского перевода «Изумрудной скрижали»

والشفاء وان كان القمر في الجوز او السنبلة والحقبة
 دل على توسط العمر وان كان القمر في القوس والاسد
 والدالي والعقرب يدل على طول العلة والابطاجي البرزخ
 والله اعلم **حساب المريخي** وهو انك تحسبه اسم المريخي
 واسم اليوم الذي انت فيه وتضيف اليه ما قد مضى من الشهر
 العددي الذي انت فيه وتزيد عليه عشرين من الهوي ثم
 تسقط الجميع **٣٠** **٣٠** والذي يفضل معك هذا الاسقاط
 تدخل فيه الجدولي احدهما لوح الحياه والثاني لوح الموت
 وتطلب ما قد بقي معك من العدد واي لوح اتفق فان كان
 لوح الحياه فالحياه وان كان لوح الموت فالموت والله اعلم
لوح الحياه **لوح الموت** غمه **حساب**

۳	۲	۱
۱۳	۱۱	۷
۱۷	۱۶	۱۴
۲۱	۲۰	۱۹
۲۱	۲۶	۲۳

4	0	ε
5	9	1
11	20	22
10	2ε	21
20	29	2V

ن غيره حساب
 الغالب والمغلوب
 احسن اسم الطالب
 والمطلوب حل اليمين
 وحده اسقطهم ٩٩
 وانظر ما بقى معك فالغزود
 يغلب ما فوقه من الافراد
 وما تحته من الازواج والزوج

فائدة اذا اردت ان تعلم الحاكم كم يقيم في حكمه في ذلك الولاية
الذي يتولاها فاحسب اسمه واسم اليوم الذي دخل فيه بالجل
الكبير واسقط الجميع خمسة خمسة وانظر ايشى يبقى معك
بعد الاسقاط فان بقي واحد او اثنين يعذر لسريعا ولا يقيم الا القليل
وان بقي اربعة او ثلاثة يقيم مدة طويلة وان بقي خمسة فانه يموت في

Страница из Китаб Сирр аль-Асрар на арабском (справа)

Текст краток, запутан и метафоричен, алхимики столетиями интерпретировали его и так и эдак, пытаясь повторить успех Трисмегиста. Ознакомьтесь с адаптированным переводом К. Богуцкого первых строк послания. Поймете, что хотел сказать автор?

Истинно – без всякой лжи, достоверно и в высшей степени истинно:

То, что внизу, подобно тому, что вверху.

И то, что вверху, подобно тому, что внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи (философского камня, единого мира).

И подобно тому, как все вещи произошли от единого, так все вещи родились от этой единой сущности через приспособление (принятие).⁹

Стоит пояснить, что философский камень, это не камень в прямом значении, не кусок скальной породы. Возможно, это некая формула, или действие. Синонимом алхимического процесса сотворения философского камня является понятие «Великое делание». А многие современные последователи герметизма считают, что речь вообще о внутренней трансформации человека, когда через рост и развитие души, смертный соединяется с богом (просветляется) и получает доступ к тайнам мироздания. А бонусом — способности к материализации. Вспоминаем Новый Завет, Иисуса и чудеса превращения воды в вино или насыщение толпы пятью хлебами... Но это уже другая история.

⁹ Изумрудная скрижаль. Текст, пер. и комм. К. Богуцкого // Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев : Ирис; М. : Алетейя, 1998.

Великое дело

Гул шагов отражался от высоких стен и мраморных колонн, возвращался в уши людей, производивших его, и, вернувшись, внушал робость и благоговение, шептал на бессловесном языке о величии места, в коем им повезло оказаться.

Гефестион и Филипп следовали за учителем, сокращая шаг, чтобы держаться позади за хрупким и медлительным стариком на почтительном расстоянии и в то же время показать окружающим, что они с ним, с Аристофаном, хранителем Александрийской библиотеки¹⁰.

Оба юноши были высоки и стройны, оба темноволосы и кудрявы, оба носили короткие белые туники, подвязанные тонкими кожаными шнурками. Они могли бы сойти за братьев, но братьями не были. Не были и друзьями.

По какой причине Аристофан выбрал этих двоих из всего потока слушателей муйсейона, то было загадкой. Ни Гефестион, ни Филипп не были выдающимися учениками. Хотя, быть может, для дела, которое им предстояло, не обязательно слыть ученым мужем, достаточно уметь читать, писать и считать.

Аристофан задумал провести ревизию в библиотеке и перебрать немислимое число свитков и рукописей, находившихся в храме Сераписа¹¹, рассортировать и классифицировать. Эта часть библиотеки была публичной, и кроме хранителя и его подручных, доступ сюда мог запросить любой желающий. Старик же, будучи щедрым на знания и добрым даже к чужакам, впускал всякого. Но не всякий посетитель возвращал книги на правильные полки, оттого и хаос.

Аристофан показывал юношам объем их работ и наставлял относительно учета, когда в главной зале появилась группа из пяти человек. Все они были одеты в цветные шелковые халаты, на головах белые тюрбаны, подколотые драгоценными камнями; лица их были смуглы, глаза черны, а бороды длинны и белы.

— Приветствую тебя, высокочтимый Аристофан, хранитель знаний, — обратился к библиотечарю самый скромно одетый из гостей, он говорил на хорошем греческом, но все же угадывался в смягчении звуков и витиеватости речи восточный акцент.

Аристофан остановился, склонил приветственно голову. А гость продолжил:

— Имя мое Мельхиор, я переводчик. Эти ученые мужи прибыли из далекой страны с берегов Евфрата и просят у тебя дозволения исследовать книги по астрономии. Они же, в свою очередь, в знак благодарности, дарствуют библиотеке изыскания астрологов Дамаска. Пусть несут они свет и знания людям Александрии.

Аристофан принял увесистый свиток и, передав его Гефестиону, сказал:

— Благодарю и я вас, уважаемые. Я даю разрешение, изучайте и копируйте все, что вам надобно. Но помните, выносить книги из храма не позволено. Столы с чернильницами размещены в большой зале. В лавке у входа вы приобретете все, что вам понадобится — чистые листы папируса и перья. Библиотека работает до захода солнца.

Это был стандартный набор правил, который Аристофан озвучивал всем пришлым. На том и расстались. Гости поклонились и, мелко семеня ногами, удалились в большую залу.

— Какие-то они странные, — пробурчал угрюмый всегда Гефестион.

— И в чем странность? — пожал плечами Филипп. — Халдеи как халдеи. Они все такие.

¹⁰ Александрийская библиотека — одна из крупнейших и наиболее значительных библиотек древнего мира. Располагалась в античной Александрии (Египет). Входила в состав исследовательского института, известного как Александрийский музейон. Время расцвета — III—II века до н.э. Библиотечных собраний было два: главное, располагавшееся в царском дворце в квартале Брухейон, и вспомогательное, в храме Сераписа (Серапеум), там хранились общедоступные фонды и учебная литература.

¹¹ Серапис — эллинистический бог изобилия, плодородия, подземного царства и загробной жизни. В его храме была размещена меньшая часть Александрийской библиотеки.

Аристофан молчал. Он думал, куда определить новый свиток — сразу в раздел астрологии или же во временное хранилище для детального изучения и уточнений.

— Понесли во временное, — наконец выдал он. — Идемте.

И снова медленное шествие двух длинноногих юношей за скрюченным годами стариком. Но шли они все же по-разному. Филипп легко и весело, вертя головой по сторонам, разглядывая стены и стеллажи. Гефестион ступал тяжело, сосредоточившись на собственных мыслях и на ноше (он держал на вытянутых руках свиток).

— Слишком они все похожи, как ряженые. Не может быть, чтобы люди так одинаково выглядели, — сказал он.

Филипп засмеялся и ответил:

— Так мы тоже похожи. Разве нет?

— Нет, мы разные.

Гефестион был сыном плотника, его учеба в мусеоне стоила семье половины доходов. Самому Гефестиону приходилось работать ночами, чтобы позволить себе и белую тунику, и писчий материал. Оттого и засыпал на слушаниях днем, оттого и результаты его были слабыми. Хотя к знаниям он тянулся и был упорен в своих намерениях.

Филипп же — сын городского казначея. По ночам он если и не спал, то только по причине увеселительных пирушек. Легкий в общении, простой, открытый и беззлобный, он слыл любимчиком Фортуны. Его место в социуме было предопределено, а посещение мусеона являлось лишь условностью, прихотью отца.

Временное хранилище находилось в восточном крыле храма, в пристрое, имевшем два входа — из библиотеки и с улицы. Это была довольно просторная комната, но все же не читальный зал. Здесь пахло склепом и пылью. Стеллажи, растянувшиеся вдоль стен, хранили неучтенные свитки, недавно приобретенные рукописи и даже каменные плиты, вывезенные из языческих и египетских храмов. Два массивных стола для переводчиков стояли друг против друга посередине. Сейчас они были пусты.

Аристофан и его подручные вошли в хранилище со стороны библиотеки ровно в тот момент, когда во второй вход, что с улицы, вносили что-то громоздкое и обернутое в мягкие телячьи шкуры.

Хранитель нахмурился, махнул Гефестиону на стеллажи, приказывая жестом оставить свиток там, сам же направился к носильщикам, спросил:

— Почему они здесь?

— Распоряжение Леонида, — ответил, смущаясь, один из рабов. — Дворцовый смотритель решил освободить мозаичную комнату, отведенную библиотеке. Содержимое отправил сюда.

— О боги! — простонал Аристофан. — Низвергните молнии на голову этого варвара! Почему без моего ведома?!

Носильщики лишь пожали плечами и сгрузили свою тяжелую ношу у стены.

— Оставайтесь в хранилище, — приказал Аристофан ученикам и после обратился к рабам. — Несите меня к Леониду! Немедленно!

Два жилистых египтянина, взявшись за руки, изобразили подобие живой скамейки, подхватили Аристофана под опорную точку, приподняли и помчали старика в сторону Брухейона.

Филипп подошел к завернутым в кожу предметам. Приставленные к стене, они доходили ему до колена, а в ширину были не больше одного локтя.

— Как думаешь, что там? — спросил он товарища.

— Видно же, что плиты. Египетские письма. Глиняные таблички, может.

— Сейчас узнаем, — хмыкнул Филипп и потянул край обертки.

Под мягкой черной кожей сверкнула изумрудная гладь. Оба юноши восхищенно вскрикнули. Филипп развернул плиту полностью.

Им открылась зеленая глянцевая поверхность, мерцающая в свете масляной лампы всеми цветами спектра. Неровные края напоминали неограниченный изумруд. Но изумрудов такого размера не бывает в природе.

— Смотри, — сказал Филипп и отслоил от плиты пластину толщиной в палец. — Их здесь ... раз, два, три ... десять!

По сути, плита была не плитой, а набором тонких пластин, нарезанных из камня будто сыр ножом. На каждой пластине белели выцарапанные знаки неизвестного юношам языка.

— Что это? — спросил Гефестион у тишины.

А тишина ответила шепотом мягким и вкрадчивым:

— Скрижаль Трисмегиста ... наконец-то.

Молодые люди обернулись и увидели в дверях со стороны библиотеки давешнего халдея, переводчика Мельхиора. Он не спускал черных глаз с пластин и шептал беззвучно на своем языке, цокая время от времени и качая головой.

— Что здесь написано? — первым спросил Гефестион, преодолев смущение и недоверие.

— То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу, — прочитал халдей.

— И что это значит?

— Макрокосм есть отражение микрокосма. И наоборот. То, что внутри тебя, твои мысли, твои убеждения. Это все отражается в твоём внешнем мире. Материализуется из мысли. И в то же время твой внешний мир, влияет на мир внутренний. Окружая себя красотой, ты делаешь красивой и душу свою. Замечая лишь грязь, ты в грязь же втаптываешь и себя.

— Ничего не понял, — вмешался в разговор Филипп.

— А хотел бы? — хитро прищурившись, спросил Мельхиор. — Первая непреложная истина атлантов известна нам с давних времен. Но как управлять этим, как именно изменяя себя, менять и мир, то не познано. Теперь же ...

С этими словами он двинулся к скрижалям. Юноши переглянулись, но не решились его остановить. Ведь Аристофан позволил халдеям работать с любыми источниками, они сами тому были свидетелями.

Мельхиор бережно взял первую пластину и переложил ее на стол, затем вторую, третью ... Когда дело дошло до седьмой, вернулся Аристофан. Хранитель был неприятно удивлен происходящим. При всей своей кротости и человеколюбии он вышел из себя в мгновение ока:

— Что происходит здесь? Куда вы смотрите?! — кричал старик на молодых людей, отгесняя халдея от стола. — Тут вам не читальный зал! Покиньте хранилище! Немедленно!

Мельхиор почтительно склонился и, пятась, выскользнул за дверь. Филипп и Гефестион суеуились рядом, собирая скрижали со стола и вновь заворачивая их в кожаную обертку.

— Как все не вовремя! Как не вовремя. — Причитал Аристофан, заламывая иссохшие руки. — Им здесь не место. Но Леонид уперся... И этот ... он их видел. И до захода солнца всего нечего. Придется их оставить здесь до завтра ... Придется и вам остаться.

— Что?! — воскликнули хором молодые люди.

— Да-да, будете оберегать скрижали эту ночь. В дворцовой части библиотеки они были под общей царской охраной, здесь же охраны нет вовсе. Нести их обратно некуда, — Леонид отобрал у нас мозаичную комнату. Да и поздно ... темнеет. А завтра я решу вопрос.

— Но ... у нас нет оружия, как можем мы охранять хоть что-то? — спросил Гефестион.

— Я пришло в помощь личного своего раба. Бронислава ... Он из северных племен, был ранен и пленен во время битвы. Он воин. И хотя лишен правого глаза, Бронислав — славный защитник, смелый и преданный. Он принесет кинжалы.

С тем Аристофан ушел, оставив учеников одних. Некоторое время спустя, когда солнце уже повисло над горизонтом, окрасив небо в кроваво-красный, явился Бронислав — рыжеволосый великан. Он действительно принес два кинжала, и юноши нехотя взяли их.

— А поесть? — жалобно спросил Филипп.

Но циклоп молчал. Возможно, в плену он потерял не только глаз.

Закрыв обе двери и погасив все, кроме одной лампы, они разместились на каменном полу, подперев стены спинами.

— У отца званый ужин сегодня, — беззлобно ворчал Филипп. — Вино, гетеры, жареный гусь в яблоках. Эх, хотя бы яблоко бы.

Гефестион не отвечал. Но мысли его тоже крутились возле дома и яблок. Он задолжал заказ торговцу фруктами — десять бочек для хранения моченых яблок. Теперь тот сбросит цену за промедление. Или того хуже, уйдет к другому плотнику.

Вскоре все задремали. Даже суровый Бронислав, чье лицо перечеркнуто было белой полоской шрама, прикрыл свой единственный глаз. И мгновенно открыл его, когда за внешней дверью послышалась приглушенная возня.

Воин пнул Филиппа, толкнул Гефестиона. Но пока те протирали веки, вспоминая, где они и почему здесь оказались, дверь с улицы вылетела из петель, и в хранилище ворвались четверо в темных одеждах. Лица их были смуглы, глаза черны, а вот бород не было и в помине. Но то, несомненно, были дневные гости с востока, разоблаченные из ярких дорогих одежд в одежды неприметные и удобные для черного дела.

Завязалась драка. Братислав сражался, как лев, разя мечом захватчиков. Гефестион и Филипп пытались помочь ему, но не владея искусством клинкового боя, только мешали.

Сопение, лязг металла о металл, сдавленные крики боли.

Четыре бездыханных тела на каменном полу.

Одно из них когда-то звалось Брониславом.

Филипп и Гефестион хотя и ранены оба, но живы. И на ногах. Зажатые в угол, они следили за острием длинного шашмира¹², раскачивающегося перед их лицами, как кобра перед броском.

Черные глаза последнего ассасина, утром еще мудреца в чалме и с бородой, двигались из стороны в сторону, как и острие сабли, выбирая, кого убить первым, ожидая, кто первый даст повод.

— Их телериш таб, — прозвучало тихо из-за его спины.

Черный воин опустил клинок и отступил на шаг назад.

Филипп и Гефестион увидели халдейского переводчика. Его борода была на месте, как и чалма с камнем, как и цветной халат.

— Мне очень жаль, — сказал он, склонив голову. — Не надо было сопротивляться.

Мельхиор окинул грустным взглядом место битвы, покачал чалмой, сокрушаясь над телами убитых, посмотрел на завернутые в кожу скрижали и снова покачал головой. Указал воину на них, потом на трупы, сказал что-то на своем языке и ткнул пальцем в направлении молодых людей, жмущихся спинами к стене. Воин кивнул в ответ согласно. Тогда халдей вновь обратился к незадачливым александрийцам:

— Вы убили моих людей. Теперь вам придется помочь мне. Поднимите скрижали и следуйте за мной. Яшмир, — он кивнул на воина. — Будет нас охранять.

Улицы Александрии широки и безопасны, но халдей выбирал обходные проулки — узкие и темные, как лабиринт Миноса. Мельхиор вышагивал впереди, за ним, пыхтя и обливаясь потом, шли Филипп и Гефестион; они несли скрижали, оказавшиеся действительно тяжелыми. Замыкал шествие темный воин, чья изогнутая сабля, отражая свет луны, посылала сигналы случайным встречным: беги, прячься, не вмешивайся. Хотя ... какие встречные в ночи? Все добрые люди уже давно спали. А недобрые сами прятались от случайных взглядов.

¹² Шашмир – основной тип сабли индо-иранского региона, распространённый от Марокко до Пакистана. Клинок сильно изогнут.

Шли долго, огибая большие дома, уходя все дальше от моря, пока, наконец, уже на рассвете, не вышли к катакомбам, служившим погребальными нишами для простого люда. Здесь, фыркая и перебирая мохнатыми ногами, ожидали две запряженные в повозку лошади. Маскируясь под крестьянский, большой и ладно собранный фургон был покрыт грубой рогожкой. Однако, то там, то здесь притягивали внимание нашитые заплаты из более тонкой и дорогой ткани, что выглядело странно.

— Загружайте, — скомандовал Мельхиор, отодвигая полог фургона.

Филипп и Гефестион наконец-то избавились от тяжелой ноши. Но камень страха с их душ никто не снял. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, как лошади, ожидая приговора.

— Вы убьете нас? — спросил Филипп, косясь на воина и его саблю, но вопрос был адресован Мельхиору.

— Нет, — ответил тот. — Зачем мне это? Более того, я отблагодарю вас за помощь. Я предлагаю вам выбор.

С этими словами халдей вытянул вперед руки со сжатыми пальцами. Он перевернул и распахнул ладони, взору явились два драгоценных камня — синий сапфир и красный рубин. Оба камня крупные и чистые. В свете утренней зари они казались бездонными порталами в неизведанное. Мельхиор произнес торжественно:

— Рубин, кровь дракона, камень жизненной силы, телесных наслаждений. Выберите его и вернетесь в Александрию живыми и невредимыми, более того, камень магический, он привлечет богатства и удачу. А если не верите в магию, то как минимум продадите и разбогатеете.

Филипп на это фыркнул непроизвольно, Гефестион жадно впился глазами в рубин. А Мельхиор продолжил:

— Другое дело сапфир, — символ истины и знаний, отречения от мирского. Знание — добродетель души: тот, кто знает, тот благ, благочестив и уже божественен. Выберите его и пойдете ко мне в ученики. И мы вместе раскроем тайны мироздания, я научу вас управлять материей, ходить по воде, превращать воду в вино. На это уйдут годы, жизнь ... и, может, не одна. Но с помощью скрижалей мы вместе создадим эликсир бессмертной памяти. И при каждом новом рождении сила знаний будет с нами.

Халдей замолчал, молчали и Филипп с Гефестионом.

— Филипп, — обратился Мельхиор к одному из них. — Выбирай.

Филипп улыбнулся беспечно, тою обезоруживающей улыбкой, что всегда располагала к нему окружающих, запустил пятерню в черные локоны, почесал затылок, сказал:

— Мне достаточно богатств, рубином больше, рубином меньше — без разницы. Но отшельничество не для меня. Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть. Я выбираю вернуться.

Он взял с открытой ладони красный камень. Мельхиор кивнул, сжал пегие кисти в кулаки и вновь распахнул, явив прежний набор камней — синий и красный:

— Гефестион, твой выбор, — произнес он.

Гефестион сомневался. Глаза его перебегали с одной предложенной возможности на другую, наконец и он решил:

— Мне тоже нравится моя жизнь, я благодарен отцу и матери, и не хотел бы огорчать их. Но я выбираю Знания. Всегда выбирал. Покажи мне, как устроен этот мир. Я хочу знать.

С теми словами Гефестион принял синий камень.

Мельхиор снова кивнул, посмотрел сочувственно на Филиппа и, махнув рукой в сторону города, сказал:

— Ступай обратно в свою иллюзорную жизнь.

Когда Филипп скрылся за поворотом, халдей произнес:

— К полудню он вернется ко дворцу, там его схватят стражники, и он сдаст нас еще до пыток. Но мы будем уже далеко отсюда. Нас не догонят, если поторопимся. Идем, ученик, и забудь отныне все, что знал прежде, и даже имя свое. Я буду звать тебя Истину Ищущий.

История 4. Атлантида

Атлантида ... когда слышишь это слово, сразу веет духом приключений, мистики и даже истории. В нее хочется верить.

Древний город, сверхцивилизация. Первый, кто рассказал о ней, был Платон — и, возможно, именно поэтому миф пережил тысячелетия. В его диалогах Атлантида предстает островной державой, — богатой, могущественной, но падшей из-за собственной гордыни. Наказание богов — стремительное погружение в море — стало одним из самых драматичных образов древнего мира.

Какими представляли жителей Атлантиды? В мифах они не просто народ, а полубоги — атланты. Этим словом до сих пор называют рослых, сильных, красивых людей.

Платон описывает их, как потомков Посейдона и смертной женщины. Считается, что Атланты обладали выдающейся физической силой, умели строить сложнейшие сооружения и владели невероятными даже для наших дней технологиями.

Поздняя эзотерическая традиция добавила к этому целый набор фантастических качеств: телепатию, магические источники силы, сакральные знания. Хотя в действительности такие детали современного мифа об атлантах — результат наслоениям new age культуры, когда Атлантида превратилась в символ «утраченного золотого века».

Картина Н. Рериха «Гибель Атлантиды».

Но что скрывается за легендой? Полностью отвергнуть исторический базис мифа сложно, на чем-то же основывался Платон? Одна из самых популярных версий связывает Атлантиду с минойской цивилизацией на острове Санторин. Около 1600 года до н.э. там произошло извержение вулкана: гигантские волны, токсичные газы, обрушение городов. Такой катаклизм легко мог стать основой истории о гибели целого народа, чьи достижения позже обросли легендами.

Есть и другие предполагаемые места: от затонувших областей Атлантического шельфа до районов около Гибралтара. И там, и там действительно находят следы древних затопленных городов, но признаков сверхразвитой цивилизации нет. По крайней мере пока.

В чем притягательность мифа об Атлантиде? Кроме желания найти утерянные сокровища? Эта история намекает нам: даже самые мощные культуры могут исчезнуть внезапно. И, возможно, именно поэтому легенда о загадочном народе, якобы шагнувшем дальше остальных, продолжает будоражить воображение — ведь он оставляет место для вопроса: что, если мы — не первые? А если не последние?

Атлантида

2036 год от Рождества Христова. Сентябрь.

Это был одиннадцатый день круиза, «Атлантида» шла из Александрии в Хайфу. Не лайнер, а плавучий город, — он поражал даже видавших виды богачей: двадцать палуб, два аквапарка, пять кинотеатров, несметное число ресторанов, магазинов и игровых залов казино.

На нижнем ярусе, опоясывая корабль изумрудным кольцом, тянулись сады — не те декоративные клумбы и кадки, что обычно украшают корабельные террасы, а настоящие рощи: с тропками из белой гальки, шуршащей под ногами, деревянными мостками и ароматом цитрусовых. Здесь даже пчелы летали, жили своей пчелиной жизнью, путешествовали из страны в страну вместе с нами.

Двигатели «Атлантиды» работали на гибридной системе — сочетании жидкого природного газа и умных ветрокрыльев, раскрывающихся как гигантские паруса, когда позволял ветер. Что еще? Уникальная система переработки отходов, климат-контроль на борту, искусственный интеллект управлял маршрутом. Это было чудо плавучей техники, не просто корабль, а целый мир, да еще какой! Рай ... на воде.

Экипаж в две тысячи человек обслуживал восемь тысяч пассажиров. Итого — десять тысяч живых душ. В Юровце, откуда я был родом, числилось 7900 жителей. Интересно ... как там Юровец? Стоит ли Богоявленская?

Я был всего лишь младшим механиком, так что про казино и аквапарки знал буквально из проспектов. На верхние палубы мне пути не было. Нет, можно было бы, конечно, пройтись в выходной, но зачем? Мне и внизу было чем заняться.

В мои обязанности входило контролировать систему водоснабжения: насосы, фильтры, опреснители. Все это пряталось в инженерном отсеке в подводной части лайнера. Мне нравилась такая работа. Особенно та ее сторона, которая касалась сада. Система автополива тоже была под моим началом. Я любил надеть белую униформу с вышитым трезубцем на нагрудном кармане, вылезти из своего подземелья (или правильнее подводья?), и прохаживаться меж пассажиров в саду, отслеживая полив, но делая вид, что я важная экипажная шишка. Помощник капитана, не меньше.

Мы не сразу поняли, что случилось. Wi-Fi на «Атлантиде» был повсюду, на борту пользовались внутренними системами передачи информации. Но для связи с внешним миром надо было все же подключаться к глобальной сети, что не всегда получалось. В некоторых участках Средиземноморья связь барахлила и терялась на час-два. Так случилось и в тот день. Мы вошли в «слепую зону», и сеть пропала, однако никто не обратил на то внимание. Поначалу.

Первый звонок я пропустил, как и многие. Помню, насмешливо усмехнулся про себя, когда подслушал разговор двух инстадив. Девушки были яркие, наши, одна из них, кажется, блогер-миллионник, хотя я не уверен.

«Кри-и-и-инж», — дула она утиные губы, тыкая длинным ногтем в экран смартфона. — «За три часа ноль просмо-о-отров».

Другой подслушанный мной разговор был уже серьезнее, но тоже содержал возмущение отсутствием отклика с большой земли. Этот диалог приведу полностью, как запомнил его и как понял, говорили они на английском:

— Новости есть? Договорились?

— Нет, тишина.

— А что наши по этому поводу пишут?

— ... тоже тихо. Ни одной новостной заметки. До сих пор связи нет. Они ведь прямо сейчас должны были бы объявить результаты переговоров ...

Я тогда сразу понял, о чем они — о переговорах большой тройки. Руководители трех сверхдержав в тот день встречались лично, чтобы решить вопрос мирного урегулирования по застаревшему и до печенок надоевшему всем международному конфликту. Будь я на большой земле, тоже бы сидел у экрана в ожидании результатов. Но на «Атлантиде» жизнь ощущалась иначе, здесь все мировые проблемы казались далекими и неважными. Пойти вечером на музыкальное лото или на квиз — вот что интересовало большинство жителей лайнера.

Спустя еще часа три беспокойство среди отдельных пассажиров стало выплескиваться на палубы и экипаж. Трейдеры, блогеры, стримеры, просто бизнесмены на удаленке — всем им нужна была связь с внешним миром.

На капитанском мостике тоже занервничали. О том я узнал позже, от стюардов. Не работала не только общедоступная связь, не только радиосигналы не проходили, но и безотказная спутниковая хрипела помехами. Порт Хайфы не отвечал на запросы, мы шли в гавань без разрешения диспетчеров.

Наши техники разводили руками — оборудование в порядке, просто мы до сих пор вне зоны покрытия сети. Что странно, ведь Земля Обетованная была уже на горизонте.

День клонился к закату, солнце зависло на мгновение над кромкой моря, будто прощалось с нами навсегда и нырнуло в кроваво-рыжую пучину. С этой стороны все еще было светло. Мы же уверенно скользили во тьму. Искусственный интеллект лайнера, не привязанный к общей сети, справлялся с навигацией и без связи. Восточная сторона небосвода подмигивала нам первыми звездами. Однако на звезды мы не смотрели, нас больше занимало то, что под ними — берег молчаливый и погруженный в густой кисель ночи. Белые квадраты домов едва просматривались, отражая последние лучи уходящего солнца. Ни одного зажженного окна в них, ни одного фонаря на пристани, ни лампочки, ни сизого света от включенного экрана телефона. Мы прибыли в мертвый город.

«Атлантида», освещенная тысячами огней, вошла в порт. Она разбрызгивала свет и звуки вокруг себя, она дышала жизнью. Большинство пассажиров не поняли, что произошло. Они продолжали развлекаться в каютах, в казино, в ресторанах. И лишь немногие тревожно всматривались с палубы в черноту берега.

Капитан запретил высадку, объявил об аварии на линии электропередач, что-то еще соврал, и этого было достаточно, чтобы успокоить беспечных жителей «Атлантиды». Экипаж же собрался на экстренное совещание.

Группа матросов, и я в их числе, отправились на разведку. Шлюпка наша пришвартовалась к каменному пирсу, мы выбрались на твердую землю. Подсвечивая путь фонарями, двинулись в город. Не знаю, что пугало меня больше — отсутствие людей, или отсутствие каких-либо признаков работающей инфраструктуры. Город без света, без Интернета, без единой лампочки, без звука автомобильных клаксонов. Машины были, стояли брошенными на дорогах. Я попытался завести одну из них, не вышло.

Людей мы так и не нашли. Зато нашли в порту приготовленные для нас контейнеры с продовольствием. Как и наша униформа, они были помечены логотипом трезубца. Организаторы круиза все делали красиво.

С горем пополам, пользуясь единственным работающим манипулятором на корме «Атлантиды», мы загрузили контейнеры на борт. Заправить лайнер не удалось, но запасов газа хватало как минимум до Анталии, именно туда, пропуская ближневосточные порты, капитан и направил корабль в ту же ночь.

Экипаж был оповещен о чрезвычайной ситуации, до пассажиров информация дошла лишь следующим днем. Информация, но не осознание ее. Решением капитана лайнер перешел в энергосберегающий режим — закрылись казино, аквапарки, отключили семьдесят процентов подсветки, кухне был отдан приказ экономить продукты. Понятно, что не всем то понравилось.

Люди заплатили сотни тысяч не для того, чтобы есть макароны в строго отведенное время. То там, то здесь вспыхивали скандалы, напряжение росло.

Но меня же, как и всех думающих людей, напрягало то, что и у берегов Турции, сигналов с земли не поступало. Мы все еще были в информационном вакууме.

Анталия показалась на горизонте утром пятнадцатого дня путешествия. Заходить в порт не стали, бросили якорь в полукилометре и отправили на берег разведбригаду. Я снова был в деле. В этот раз с нами высадились старпом и два штатских. Я узнал их — те двое, чей разговор я случайно подслушал в день начала катастрофы. Лица их были напряжены, как, впрочем, и у всех нас.

— Что это может быть? — не удержался я и спросил у того, кто казался помоложе. — Это связано с переговорами, да? Не договорились? Третья мировая? Но если бы бахнули ядеркой, мы бы видели. Да и разрушений нет! Все цело.

— Есть оружие и пострашнее ядерного, — угрюмо ответил он мне и обратился к старпому. — Нам надо разбиться на тройки и прочесать город, надо найти людей.

— Это вам надо, — бросил через плечо старший помощник. — У нас другая задача — провиант и топливо. Я могу выделить вам только одного. Антон, — это он уже мне. — Пойдешь с ними, твоя задача — вернуть их на борт до заката целыми. Как понял?

— Есть, сэр! — козырнул я, втайне довольный своей миссией.

Не буду пересказывать весь наш последующий разговор с мистером Солманом и мистером Буттом, пришлось вытягивать из них информацию, но я всегда умел расположить к себе. А еще я умел слушать между строк, слышать, что говорят они друг другу.

Буду краток: да, они подозревали, что сложившаяся ситуация — результат обострения международного конфликта. Эти двое были сотрудниками британского исследовательского института, имели доступ к секретным разведывательным документам. Оружие, о котором обмолвился мистер Солман, было совсем другого порядка, нежели допотопные атомные бомбы. О нем шептались во всех уголках мира, я и сам до того дня слышал что-то, но считал выдумкой, страшилками о тайных заговорах.

Предполагалось, что оружие это могло полностью разрушить инфраструктуру врага. Импульс передавался по радиоволнам, поражая технику, что попадает на пути. Что, в общем-то, мы и наблюдали. По замыслу разработчиков из строя должны были выйти системы коммуникации, управления, энергоснабжения. Но почему Израиль и Турция? Ладно ... почему Турция? Она никаким боком не касалась интересов конфликта и была площадкой для переговоров. Однако и здесь мы видели заброшенные автомобили и мертвые экраны смартфонов, валяющиеся всюду на земле. Где люди?

Мы продвигались вглубь городка, бывшего когда-то чистеньким курортным оазисом. Увиденное угнетало. Сколько дней прошло с момента катастрофы? Выходило, что пять, если она случилась одновременно и здесь, и в Хайфе. Пять дней, а как изменился город! Ветер гонял по улицам подранные пакеты, как перекаати-поле в пустыне. Песок, опавшая листва, мертвые голуби то там, то тут, разлагающийся мусор в контейнерах и урнах, потерявшие страх крысы... Рестораны были открыты, на столах брошенные объедки уже покрылись плесенью, и новые вселенные разрастались на почерневших донерах.

На одной из улиц мы увидели упавший самолет. Здесь были люди ... то, что от них осталось. Мы с ужасом обошли место крушения, закрывая носы руками.

Живых мы тоже нашли. Да. Нашли.

К концу третьего часа поиска, забредя в лабиринты старого города, мы слышали подвывание. Скулеж был человеческий, животные звучат иначе. В маленькой каменной мечети мы увидели женщину и ребенка, девочку, забившихся под минабр¹³. Вид их был плачевен —

¹³ Минабр — кафедра или трибуна в соборной мечети, с которой имам читает пятничную проповедь.

одежда подрана, кожа покрыта ссадинами и царапинами. Руки женщины были сбиты, под ногтями чернела засохшая кровь. Она крепко обнимала ребенка, закрывая от мира и от нас, скалила белоснежные виниры. Материнский инстинкт сработал на защиту ребенка. Но от кого?

Долго пришлось нам возиться с ними. На контакт не шли, говорить будто бы и вовсе не умели. Вели себя, как одичавшие звери. Британцы мои уже отчаялись было что-то от них добиться, но я всегда умел расположить к себе и зверюшек тоже. Лаской и печеньем, захваченным с корабля, я выманил их из укрытия, но так и не разговорил. Они пошли за нами, как уличные собаки идут за тем, кто дал вкусняшку, и мы решили вернуться на лайнер, отвезти их в безопасное место.

Я слышал, как тревожно перешептывались мои ученые, с ужасом оглядываясь на нашу находку: «неужели правда?», «мозг задет», «это необратимо». Из их обрывочных фраз я понял: то новое оружие имело дополнительное свойство — оно разрушало разум человека.

На лодке нас ждала еще одна живая находка — мужчина. Он вел себя агрессивно, кусался, рычал, но моряки сумели скрутить его и доставить на «Атлантиду». Но только толку от того не было, он тоже не говорил, лишь мычал бессвязно.

Опущу подробности нашего дальнейшего путешествия. Скажу лишь, что направились мы в Европу. С учетом тотальной экономии ресурсов и попутного ветра шанс добраться туда был неплохой. Мы надеялись, что там найдем разумных людей, что старушка Европа выжила, как всегда. Мы ошибались. Люди были, находились почти в каждом городе, куда мы заглядывали, но ни одного сохранившего рассудок — полулюди-полужвери.

Голод и любопытство заставляли их идти на наши голоса, на свет огней «Атлантиды». Но на борт мы больше никого не брали. Они были опасны: агрессивные, злобные твари. Из человеческого осталась в них лишь жажда жизни и адаптивность, изворотливость. А еще умение сбиваться в стаи. Чем больше времени от катастрофы проходило, тем опаснее были люди на берегу. Они преодолели первый страх, объединились в группы, создали племенную иерархию. И действовали сообща, хотя по-прежнему были тупы, как неандертальцы. Так и дрейфовали мы меж земель, не зная, куда приткнуться. Все искали и искали ...

А на тридцать седьмой день пути «Атлантида» пошла ко дну.

Это случилось в Эгейском море, где-то недалеко от Санторини, хотя я не уверен. Я снова не знаю деталей, меня не было наверху, когда произошло ЧП. Среди сбивчивых выкриков команды я слышал что-то про дикаря из Анталии: сбежал, напал, раскурочил аппаратуру. А может, он и ни при чем был. И это капитан свихнулся от навалившейся на него ответственности и страха. Свихнулся и направил лайнер на подводные скалы.

Воистину, если бог хочет наказать, так отнимет прежде всего разум. Выходит, Бог наказал все человечество? А Бог ли?

Мне до сих пор не известно, что же именно произошло на Земле. Предполагаю, что встреча большой тройки сорвалась. Может теракт, или захват лидеров какой-либо из сторон? А дальше цепная реакция: ударили одни, другие, все разом? Покрыли земной шарик токсичными волнами, убившими не только цивилизацию, но и рассудок человеческий. Наверное, как-то так оно и было.

И вот наша «Атлантида», единственный островок разума, наш город-сад, тоже ушла на дно. Пучина морская поглотила ее, как закатное солнце. Спаслись немногие. Вернее так: многие сели в шлюпки — сотни спасательных шлюпок. Но шлюпки не могли доставить нас на берег, не было на то запаса топлива, а на помощь никто не пришел. Некому. Эти многие погибли позже. Кто от жары, кто от жажды и голода, кто обезумел, как и все человечество, и был ... убит своими же.

В моей шлюпке осталось нас четверо: три члена экипажа и один пассажир. Нас мотало по морю и в шторм, и в штиль двадцать дней. Мы погибли бы, если бы я не соорудил опреснитель. На двадцать первый день нас вынесло к берегу.

Это остров, достаточно большой и обитаемый, мы нашли здесь людей. Все те же идиоты... Но они нас не боялись и убить не пытались. Я же умею найти подход и к людям, и к зверушкам.

Они быстро обучаются, некоторые уже начали говорить. Мы показали им, как разводить огонь, соорудил тележки. Я лично многое дал им ... Например, систему полива ... Они думают, что я бог, или волшебник. Имя Антон для них слишком сложное, потому они называют меня Тото, или Тот. Сами мы зовем друг друга атлантами, по имени нашего затонувшего лайнера.

Я знаю, что моей жизни не хватит, чтобы восстановить человеческую цивилизацию. Ей придется как-то самой... С божьей помощью и с разных сторон. Да, скорее всего, мы не единственные выжившие, не единственные сохранившие ум и память. Но где они, наши братья по разуму? Может, в горах Алтая, где не берет интернет? Или в лесах Амазонки? Или где-то в Тибете, на горе Кайлас? Сколько нас таких?

Эти записи я специально делаю на глиняных дощечках, чтобы время хранило их для потомков, надеюсь, когда-нибудь вы вновь научитесь читать и сможете расшифровать мои каракули. Мисс Стивенсон тоже пишет свое послание. И Джо, и Лили. Мы, последние жители «Атлантиды», пытаемся сохранить историю и предостеречь вас от нашей участи.

История 5. Эффект Манделы

В 2010 году тысячи людей по всему миру с удивлением обнаружили, что Нельсон Мандела жив. Удивление было искренним: они *помнили*, как в 1980-х читали новости о его смерти в тюрьме, видели траурные репортажи, обсуждали последствия для ЮАР. Проблема заключалась в том, что этого никогда не происходило. Мандела умер лишь в 2013 году — на глазах у всего мира, вторично и «официально».

Так появился термин «Эффект Манделы» — феномен массовых ложных воспоминаний, совпадающих у большого числа людей, не связанных друг с другом. Психология объясняет его несовершенством памяти, подменой фактов, влиянием медиа. Но чем больше подобных случаев накапливается, тем слабее выглядит это объяснение.

Люди вспоминают книги, которые никогда не существовали в том виде, в котором мы знаем их сейчас. Названия брендов с «пропавшими» буквами. Фразы из фильмов, которые якобы «переписали задним числом».

Ярким примером может быть монокль у мистера Монополии. Образ богача с круглой стекляшкой крепко засел в массовом сознании. Однако персонаж никогда его не носил. При этом люди «помнят» даже карикатуры и сцены, где он якобы был. Разница минимальна — но память настаивает на своем.

Игра "Монополия"

Особенность эффекта — уверенность. Это не сомнение и не «кажется». Это ощущение твердого знания, подкрепленного деталями: обстановкой, эмоциями, контекстом. Люди помнят, *где* они это увидели, *кто* был рядом, *что* чувствовали. Именно так обычно работают подлинные воспоминания.

Некоторые исследователи обращают внимание на странную избирательность. Ошибки касаются не случайных фактов, а культурных маркеров: знаковых личностей, популярных произведений, массовых событий. То, что должно быть максимально устойчивым в коллективной памяти, оказывается подвержено «сбоям».

Существует гипотеза о параллельных линиях реальности, между которыми сознание иногда «перескакивает». В одной версии мира Мандела умер в тюрьме. В другой — стал президентом. Большинство людей синхронизированы с текущей линией, но у некоторых сохраняются следы предыдущей. Доказать это невозможно, как и опровергнуть.

Документальных подтверждений «альтернативной версии» нет — по крайней мере, в доступных архивах. Но сторонники эффекта указывают на другое: если реальность поменялась, она должна была изменить и документы. Остается только память — как единственный не полностью контролируемый носитель.

Эффект Манделы пугает не тем, что мы ошибаемся. А тем, что ошибаемся одинаково. И если прошлое может быть таким нестабильным, возникает вопрос: насколько надежно настоящее — и что именно мы будем помнить завтра?

Забытый коктейль

Алекс Флэтчер был отпрыском одного из богатейших семейств нового света. Их компания владела сетью супермаркетов здорового питания, насчитывающей две тысячи пятьсот торговых точек только в Штатах и еще столько же по всему миру.

Алекс, как говорится, родился с золотой ложкой во рту, но не был ни избалованным, ни надменным, ни испорченным. Его мать, Элис Флэтчер, могла совершенно обоснованно гордиться сыном. И гордилась.

Наследник Флэтчеров был умен, образован, красив, целеустремлен и добр. Его любили все, не только мать.

Семья их не казалась, а действительно была образцом патриархальной идиллии. Отец — управлял компанией, Элис — домом и погодой в нем, сын, окончив Кембридж, влился в семейный бизнес и колесил по миру, открывая все новые и новые точки «Здоровых магазинов».

Центральный офис компании, как и резиденция Флэтчеров, находился в штате Флорида на берегах залива Бискейн. Дом их был прекрасен, настоящее родовое гнездо: большой особняк, окруженный садами и полями; собственная бухта с причалом и пришвартованной белой яхтой; корпус для обслуживающего персонала; бассейны; гостевой домик; конюшня и йога-зал для Элис.

Элис увлекалась ведической культурой и потому для нее построили отдельно стоящее здание со стеклянными раздвижными стенами, там она предавалась медитациям и проводила свои «магические» ритуалы. Отец и сын снисходительно улыбались увлечению Элис, но никогда не высмеивали и не запрещали.

Богатство не было дано им свыше, как данность. Вовсе нет. Флэтчеры старшие были обычными американцами и в юности своей жили как все. Когда они поженились, у них не было денег даже на отдельное съемное жилье, ютились в комнатухе в индусском квартале, в квартире у сумасшедшей старушки по имени Парвати. Тогда-то Элис и увлеклась индуистскими штучками, а Томас (так звали Флэтчера старшего) впервые распробовал карри, раиту и ладду¹⁴. Позже он сделал на них бизнес, открыв сначала лавку с продуктами для индийской и веганской кухни, а еще позже модернизировал идею под широкого потребителя — запустил бизнес с акцентом на здоровой еде, специях и добавках вроде кордицепса. Удачно и вовремя попал в тренд.

Но Алекс ... Алекс с пеленок жил в условиях рафинированного благополучия. И семейные истории про то, как родители делили квартиру со старой индийской ведьмой, казались ему забавными и вызывающими уважение, но никак не печальными. Он не знал, что такое печаль.

Вернувшись из очередной командировки, в этот раз из Австралии, Алексу показалось, что мать изменилась: прибавилось седых волос, круги под глазами обозначились, и взгляд ... взгляд был тревожным, бегающим.

— Ты в порядке? — спросил он ее после ужина, мягко пожав мизинчик.

— О да, милый, я в полном порядке, все хорошо. Теперь все хорошо. Какие у тебя планы? Чем думаешь заняться?

— В Сиднее и Мельбурне все настроено, новых точек за границей пока не предвидится, поэтому пройдуся по местным, посмотрю, что и где можно улучшить.

— Да брось! Здесь все работает как часы, — почему-то нахмурилась Элис. — Отдохни, встретись с друзьями, сходи на яхте в море ... Вирджиния про тебя спрашивала, кстати.

— Ма-а-ам, я не устал. А Вирджиния мне неинтересна, мы уже говорили об этом. Не пытайся устроить мою личную жизнь. Я сам как-нибудь. Хорошо?

¹⁴ Блюда индийской кухни.

Элис лишь вздохнула, но взглянув на сына, расплылась в улыбке, обозначившей новые морщинки у глаз.

— Да, конечно. Это не обсуждается. Просто ... просто кроме работы есть еще много чего интересного. Не хочу, чтобы ты все пропустил.

— Не переживай, — шепнул он ласково и искренне.

Следующие несколько дней Алекс посвятил ревизиям местных семейных магазинов. Во Флориде их было больше всего. Он колесил между Джексонвиллом и Орландо, на два дня заехал в Таллахаси, но все же родной Майями тянул его обратно.

Последняя точка, в которую он заглянул, находилась совсем рядом с домом, в Майями-бич. Алекс помнил, как самолично открывал ее полгода назад, — одно из самых удачных и прибыльных мест. Поездка туда почему-то сопровождалась невнятным душевным томлением. Он будто хотел и одновременно боялся оказаться там, потому и откладывал визит напоследок.

Все здесь было по стандартам компании: зеленые прилавки, красивые продавцы в опрятной униформе, система туманного увлажнения овощей, бар с фрэш-коктейлями ... бар ... с фрэш ... коктейлями. Он уставился на него, и будто что-то шевельнулось в душе — испуг, сомнение, предвкушение?

За барной стойкой стояла девушка, рыжая и в веснушках, на бейдже имя — Лия. Яркий представитель их корпоративной семьи. Но ... но не она должна была быть здесь. Да! Алекс вспомнил, что это место занимала другая девчонка. Он смутно помнил лицо, но ... но уверенно знал имя — Джесс.

— Привет, как дела? — спросил он у Лии, облокачиваясь на барную стойку.

— Хорошо, — оголяя мелкие зубки в робкой улыбке, пискнула девушка. — Фрэшим потихонечку.

— Отлично, сделай мне «Бачату», пожалуйста.

— Что? — не поняла рыжая.

— «Бачату». Ну ... «Бачата»? Наш фирменный коктейль из манго и кокосовой воды.

Девушка растерянно посмотрела на Алекса, схватила за карту коктейлей, судорожно пробега глазами по картинкам и названиям, и все так же несмело вымолвила:

— У нас нет такого.

— Как это нет? Я точно помню ... мы внесли его в меню. Его Джесс ... Джессика его придумала.

Девушка молчала, испуганно тараща глаза.

— Оу, реально нет, — откладывая карту коктейлей в сторону, озадаченно сказал Алекс. — Тогда ... просто апельсиновый фрэш. А ... а Джесс, она где?

— Я не знаю, сэр. Не знаю никакой Джесс. Я тут с момента открытия и ... Джоан была, да ... Джесс ... не было.

— Как не было? Я точно помню, что на этой точке с коктейлями работала Джесс, она же и придумала коктейль «Бачата». Она танцует бачату. Это латиноа...

В голове его простираивались яркие воспоминания и подробности о жизни Джесс, симпатичной латиноамериканки с заразительным смехом. И ведь это совсем недавно было, до отъезда в Австралию он не раз с ней пересекался.

— Майк! — позвал он управляющего магазином. — А где Джесс?

— Кто? — засуетился маленький ушастый Майк.

— Джесс ... или Джессика. Девушка ... она здесь работала.

Как и Лия, Майк лишь непонимающе пожимал плечами. Ему хотелось угодить хозяину, но он понятия не имел, о чем тот говорит:

— Может она не в нашей точке? Может ... в соседнем районе, у Барни?

— Ммм...может, — неуверенно ответил Алекс. — Подожди, у меня же фотографии есть.

Он достал телефон и принял отматывать ленту галереи на дату открытия магазина. Алекс хорошо помнил это фото со всеми работниками: Джесс там стояла рядом с ним, улыбалась так, будто это самый счастливый день в ее жизни. Фото он нашел сразу, но ... Джесс на нем не было. Вместо нее на снимке рядом с ним стояла Лия. И вид у нее был несчастнейший.

— Странно, — пробормотал Алекс. — Мне казалось ...

Дальше его отвлекли дела и текущие вопросы, он довольно быстро забыл о странном недоразумении и забыл бы о нем навсегда, если бы под конец визита, в магазин не зашел покупатель и не спросил у Лии коктейль «Бачата».

— Да нет у нас такого и не было никогда! — чуть не плача ответила девушка.

Алекс напряг слух и весь превратился во внимание.

— Ну как же не было? — настаивал посетитель. — Мой любимый коктейль, я уверен, что у вас попробовал его впервые. Вы его еще цветком украшаете.

— Настурцией? — вмешался в разговор Алекс.

— Да, именно!

— Лия, у нас есть цветы настурции? Свежие.

— Нет, — виновато ответила девушка.

— Если я сделаю вам такой коктейль, но без цветка, пойдет? — спросил Алекс посетителя.

— Да, вполне, — примирительно ответил тот.

Немедля и не раздумывая, Алекс ступил за прилавок, быстрым и ловким движением налил полстакана кокосовой воды, миксанул в блендере почищенную заготовку манго, выжал туда же пол-лайма, вылил это все в шейкер, добавил льда и щепотку индийских специй из другого совсем отдела, тщательно встряхнул и выплеснул в стакан.

— Оно? — спросил Алекс покупателя, когда тот осторожно втянул коктейль через трубочку.

— Ну почти, — ответил он. — У Джесс лучше выходило.

— Джесс? — встрепенулся Алекс.

— Или Джессика ... не помню ... кажется, она здесь работала. Адьюс, муча грациос!

Вечером того же дня Алекс изучал файлы HR-документов, которые запросил у директора по персоналу. Нашлись одиннадцать Джессик, которые работают или работали когда-то в их сети магазинов. Анкеты с фотографиями кадровик прислал на почту. Той Джессики среди них не было.

Это непонятное чувство, будто весь мир обманывает тебя и спорит с твоей памятью, раздражало. Хотелось ясности и внятного ответа: откуда Алекс знает рецепт коктейля «Бачата», куда делась Джесс, и почему воспоминания о ней такие уверенные?

Гугл по запросу «коктейль Бачата» показывал нерелевантные ссылки на видео зажигающего танца, и только. А вот поиск по хештегам в социальных сетях неожиданно выдал нужный результат: фото коктейля с цветком настурции в одном из ночных клубов Майями. Туда он и направился.

Место бурлило звуками музыки, вспышками света, резкими запахами дешевых духов. Девчонки в блестящих топах и узких брюках терлись друг о друга в имитации танца, обкуренные парни улюлюкали им и одобрительно свистели. Пробившись сквозь толпу конвульсирующих тел, Алекс добрался до точки розлива напитков и громко крикнул дредастому бармену:

— Одну «Бачату», пожалуйста!

— Джесс! — заорал, не глядя на него дредастый. — Иди сюда! По твою душу. Одна Бачата!

Из-под барной стойки вынырнула она — Джесс — симпатичная латиночка с красивой улыбкой. И не только улыбкой.

— Любишь послаще? — подмигнула Джесс Алексу.

Она плеснула в шот рому, перевернула его в шейкер, добавила туда же кокосовой воды и сока манго из тетрапака, кинула вслед пару кубиков льда и один слайс лайма. Все это перемешала и налила в бокал. Протянула ему.

— Цветов сегодня нет, сорри, дорогой! Не завезли! — и она так зажигательно рассмеялась, что Алекс прыснул вслед за ней.

— Ты Джесс, да? — спросил он ее, когда унял смех. — Ты работала в «Здоровом магазине»?

— Ноуп, — ответила та, быстро нарезая фрукты. — Не взяли.

— Ты пыталась устроиться туда, но не прошла отбор?

— Ага! Полгода назад. Хотела в чистенький район на чистенькую работу, но пришлось возвращаться сюда. А ты что? Рекрутер, что ли? Ищешь работников?

— Ты не помнишь меня?

Девушка сощурила глаза, склонила кудрявую голову набок и внимательно посмотрела на Алекса:

— Нет, красавчик, не помню. А должна? Мы знакомы?

— Мне почему-то казалось, что да.

Дальше разговор пошел в тональности флирта, полунамеков и логично закончился уговором о свидании.

Эта была любовь с первого взгляда. Даже так — любовь *до* первого взгляда. Им действительно казалось, что они знают друг друга давно: привычки, любимые блюда, любимые позы. О да, первый секс случился быстро и был охренительным для обоих. Они, как одно целое — чувствовали друг друга, слышали желания тел и знали, куда нажать, где коснуться нежно, а где пустить в ход зубы. Это была любовь. Не только сексуальная совместимость, но *любовь*. Им хотелось говорить друг с другом, друг про друга и угадывать ... угадывать то, что не могли знать, но почему-то знали.

Алекс не говорил о Джесс родителям, боялся, что Элис снова увлечется и будет настаивать на знакомстве, потом оценивать, торопить или отговаривать. Но когда все же решился ... решил, что Джесс — *та* самая и пришло время их знакомства, он даже не предполагал, что реакция матери будет настолько возмущающе странной.

Они приехали в усадьбу Флэтчеров без предупреждения. Алекс не хотел официоза и лишних волнений, поэтому позвонил буквально уже на подъездах к дому, сказав, что на ужине будет не один, а с девушкой. Вот и все. Чтобы никаких подготовок, праздничных сервировок, и фуа-гра. Не хотел смущать ни маму, ни Джесс. Та была из бедной семьи и до сих пор пугалась финансового статуса Алекса.

Оставив машину во дворе, Алекс провел Джесс в дом, на пороге которого их уже ждали родители. Всегда спокойная, сдержанная, мягкая Элис громко вскрикнула, увидев девушку. Она прикрыла рот рукой, выкатила голубые глаза и судорожно замотала головой:

— Нет-нет-нет! — крикнула она в ужасе. — Только не она! Алекс, ты ... зачем?!! Ну зачем?!! Она же ... она ... они ... латиносы!

С этими словами Элис бросилась мимо них в сторону йога-зала.

Растерянный Томас Флэтчер непонимающе развел руками, Алекс покраснел до корней своих русых волос, а Джесс застыла, широкая улыбка ее стекала в форму гневного оскала.

— Джесс, извини! Папа! Папа, проводи Джесс в дом, я сейчас, — кинул Алекс и бросился догонять мать. — Мама! Мама, вернись и объяснись! Я не потерплю такого отношения к своей ...

Договорить не успел. Зайдя вслед за матерью в ее обиталище духов, он с испугом наблюдал, как мама расставляет свечи в круг, как чертит на полу непонятные символы, шепчет слова на неизвестном ему языке.

— Мама? Мам, тебе плохо? Что с тобой, мама? — позвал он ее, но Элис лишь бросила на него быстрый взгляд и продолжила подготовку, рассыпая по полу красный порошок. — Мама, тебе не кажется, что это слишком? Да, Джесс — латиноамериканка, но я не думал никогда, что ты расистка. Ты! Ты, мам? Ты, которая учила меня любви и равному отношению ко всем и всему в этом мире?! Мама, остановись! Я ... я вызываю скорую.

Женщина подняла глаза, в них не было и отблеска безумия. Элис размышляла лишь мгновение и выпалила быстро:

— Дело не в этом.

— А в чем же? Ты ... ты там кричала про латиносов!

— Да, но ... дело не в этом. Они убьют тебя, убьют вас обоих.

— Кто, мам? О чем ты?

— Сандерс. Ее бывший парень. И его приятели, все латиносы, да. Он убьет вас из ревности. Он ... как давно ты с ней?

— Месяц.

— Значит, он уже следит за вами.

— Откуда ты знаешь?

— Это все уже было, Алекс. Было в другой ветке реальности, — Элис осела на пол и схватилась за голову. — Это все уже было. Но я ... смогла, я переключила реальности. Убрала ее из твоего поля в прошлом, попросила нанять на ее место Лию, чтобы вы с Джесс не встретились.

— Что за бред, мама.

— Нет, Алекс, это не ... это ... так можно. Мало кто умеет, но есть техники. Я научилась. Давно. Так я помогала Томасу с ключевыми решениями в бизнесе, помогала ему отстроить компанию. Так устранила всех потенциальных его любовниц, чтобы не сделал ошибок, о которых будет жалеть. Так хотела помочь и тебе. Джесс принесла тебе смерть, и я отменила ее. Обычно при переключении кроме оператора никто ничего не помнит, ну ... разве мелкие дежавю случаются у некоторых. Когда реальность меняется, меняются и документы, и прошлое, и память. Все подстраивается под новый сценарий. Будто так и было с самого начала. Но в этот раз я где-то ошиблась. Надо было ... устранить ее полностью, а не только вашу встречу в магазине. Я исправлю. Исправлю, сыночек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.